

*Борис Гладарев**

КУЛЬТУРА ВМЕСТО ПОЛИТИКИ: РОЖДЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ИЗ ДУХА ГОРОДА

К написанию статьи меня побудил исследовательский проект¹, посвященный изучению специфических особенностей развития в России институтов гражданского общества. В качестве объекта исследования избраны общественные движения «Группа Спасения» (1986—1990) и «Живой город» (2006—2009), выступающие за сохранение историко-культурного наследия Ленинграда-Петербурга.

Эмпирическая база собиралась автором на протяжении 2008—2009 годов. Она состоит из 16 глубинных интервью с активистами городских движений за сохранение исторических и культурных памятников, а также с экспертами в области градостроительства и охраны наследия. Этот массив данных дополнен вторичным анализом 32 интервью из трех тематически близких проектов, в которых я участвовал начиная с 2000 года.

Для понимания общего контекста, в котором появились и развивались городские движения за сохранение памятников, и специфики петербургского случая нужно коротко рассказать

* **Гладарев Борис Сергеевич** — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

¹ Проект «Общее и общественное в российском контексте», 2008—2009, руководитель — О. Хархордин (ЕУСПб), проект осуществлен при поддержке фонда «Династия».

об истории этих движений и реконструировать коллективную биографию их участников.

Три мобилизационных волны общественного движения в защиту петербургского наследия

Эта история насчитывает уже около века и условно может быть разделена на несколько последовательно сменяющихся друг друга этапов. Нарастание мобилизационной волны² и активизация сторонников движения сменяются периодом социальной апатии, спадом общественной активности, но постепенно в городе нарастает новая волна, и проблемы сохранения наследия снова становятся предметом ожесточенных общественных дискуссий.

Краткий экскурс в историю городского движения за сохранение памятников позволяет выделить три основные волны общественной мобилизации, которые оно переживало. Обратим внимание читателей на самые принципиальные моменты.

² Под «мобилизационной волной» я понимаю «нарастающий процесс солидаризации людей вокруг общих ценностей, институтов и групп, организованных для достижения социетальных целей». См.: Мобилизация // Социологический словарь / Под ред. Н. Аберкромби, С. Хилла, Б.С. Тернера. М.: Экономика, 1999. С. 174.

³ Введенный в социологический оборот М. Каллоном термин «актант» представляет собой «некоторую целостность, наделенную способностью действовать и включающую в себя высказывания, артефакты и людей, их производящих» (см.: *Gallon M. Four models for the dynamics of science // Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by S. Jasanoff et al. L, Thousand Oaks: Sage, 1995. P. 53-54*). А Б. Латур утверждает, что актантом может быть «человек, организация, микроб, теорема, пробирка — любое действующее лицо, чье действие значимо для сети» (см.: *Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. P. 163*). Согласно такому подходу, актантом может быть и «идея», или «дух», города как некая целостность, сплетенная из домов, ландшафта, особого способа их восприятия и памяти места, причем целостность, наделенная способностью действовать.

Первая мобилизационная волна (1900—1932)

К началу XX века в городе оформился некий сложно переплетенный, но узнаваемый актант³ особого «петербургского мифа» («петербургской идеи»), который включал в себя как отдельные фрагменты городской среды, так и семантические «наслоения» (отсылки к произведениям и творцам «золотого века» русской культуры)⁴, словно нанизанные на материальный каркас города на Неве.

По словам режиссера Интерьерного театра, одного из лидеров движения 1980—1990-х годов Н. Беяка, «городской миф стал регулировать определенное поведение... людей. И все, что происходило в Петербурге в XX веке, как раз является проявлением этой работы мифа». В 1902 году А. Бенуа в программной статье «Живописный Петербург» впервые сформулировал особенное значение, которое имеет сохранение культурного наследия в развитии российского общества и отечественной культуры⁵. В 1909 году возникает Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (А. Бенуа, Е. Волков, В. Верещагин, Н. Врангель), целью которого стали изучение и защита не только петербургских, но и провинциальных памятников. Несмотря на нарастающую социальную и политическую нестабильность, Общество успело спасти, описать и музеефицировать десятки уникальных объектов.

1917 год изменил в стране все, но, как это ни удивительно, петроградское движение защитников наследия очень скоро возродилось из «революционного пепла». Уже в начале 1918 года для проведения инвентаризации национализированных советской властью богатств при Наркомпросе создано Особое совещание по делам искусства, куда вошли известные специалисты и энтузиасты сохранения наследия (А. Половцев, А. Бе-

⁴ Подробнее см.: *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009; *Каган М.С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб, 1996.

⁵ *Бенуа А.Н.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. № 1.

нуа, П. Вейнер и др.), а в 1919-м открылся первый в истории Петербурга государственный музей города в Аничковом дворце. Требования «высокого долга и прекрасной цели» мобилизовали участников движения. Как писал П. Вейнер, «мы не задумывались пойти на сотрудничество с чуждой нам партией, так как задачи этого дела считали стоящими вне политики... и знаем, что здесь ошибки неискупимы: в экономической жизни страны разорение еще поправимо, но здесь... никакой самый напряженный труд не вернет погибшего»⁶. В 1921 году в Петрограде появляются еще несколько организаций, предметом интереса и заботы которых выступает историко-культурное наследие: городское отделение Центрального бюро краеведения, Ленинградский исследовательский экскурсионный институт (И. Гревс, Н. Анциферов), общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» (А. Бенуа, В. Зубов и др.). В истории движения начинается так называемое «золотое десятилетие», отмеченное масштабной и исключительно плодотворной работой сотен энтузиастов-краеведов. Проводятся научные конференции, посвященные проблемам сохранения наследия; выходят методические пособия по экскурсионному делу для вовлечения трудящихся в городскую культуру; издаются специализированные журналы «Краеведение» (1923—1929) и «Известия ЦБК»⁷ (1925—1929); в 1924 году Н. Анциферов публикует книгу «Быль и миф Петербурга», ставшую классической для защитников историко-культурного наследия⁸.

«Золотое десятилетие» закончилось в 1932 году, когда НКВД инициировал «Дело краеведов». Российское краеведческое движение было разгромлено, а большинство его участников репрессированы. Период с 1932 по 1957 год можно условно обозначить как «эпоху тоталитарного молчания».

⁶ Цит. по: *Пирютко Ю.М.* Питерский лексикон. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 365.

⁷ ЦБК — Центральное бюро краеведения.

⁸ *Анциферов Н.Л.* Быль и миф Петербурга. Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1924.

Только после XX съезда (1956), празднования 250-летия Ленинграда (1957) и реабилитации жертв политических репрессий в городе постепенно возрождается общественный интерес к памятникам истории и культуры. Отдельные представители ленинградской интеллигенции осторожно обращают внимание властей и советской общественности на необходимость сохранения объектов наследия⁹. Результатом активности таких авторитетных ученых, как Д. Лихачев, И. Грабарь, Б. Пиотровский, стало постановление Совета министров РСФСР, которым в 1966 году учреждается Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)¹⁰.

С окончанием «оттепели» движение за охрану памятников оказалось одним из немногих видов легитимной гражданской деятельности вне рамок КПСС. Тем более это чувствовалось в Ленинграде, где была широко известна история обществ, выступавших за охрану города в дореволюционный и раннесоветский периоды¹¹. На протяжении 1970-х годов в городе возникают локальные очаги движения защитников наследия, как правило при ДК или во Дворцах пионеров, где организуются

⁹ В 1962 году в газете «Смена» появилась подборка писем читателей, взволнованных запущенным состоянием отдельных памятников архитектуры (см.: «Прекрасное — хранить!» По письмам наших читателей // Смена. 8 сент. 1962). А 10 июня 1965 года в «Литературной газете» опубликована статья Д. Лихачева «Четвертое измерение», где академик критиковал проекты высотного строительства, которые нарушают «четвертое измерение» города.

¹⁰ Ленинградским отделением ВООПИК на протяжении трех десятков лет руководил директор Эрмитажа Б. Пиотровский. ВООПИК был вполне типичной советской «общественной организацией», созданной и контролируемой сверху партаппаратчиками. К 1980 году только в Ленинграде в ВООПИК насчитывалось около 400 тыс. человек, а годовой бюджет ленинградского отделения составлял примерно 250 тыс. рублей.

¹¹ См.: *Келли К.* «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960—1970-х годов // Неприкосновенный запас. 2009. №2 (64). С. 123.

кружки, небольшие краеведческие музеи. Постепенно формируется второй неформальный круг энтузиастов, увлекающихся изучением таких памятников истории и культуры, которые не признавались ценными официальным советским краеведением (например, церковные памятники, исторические кладбища и т.п.). Однако в целом история городского движения защитников наследия в период с 1957 по 1986 год характеризуется засильем советского организационного и идеологического контроля, отсутствием возможностей для самостоятельной работы, ограниченностью выбора тем и объектов изучения.

Вторая мобилизационная волна (1986—1991)

Начиная с 1986 года городское движение защитников наследия переживает вторую волну мобилизации, которая связана прежде всего с деятельностью «Группы Спасения» (ГС) и Интерьерного театра Н. Беяка. Обнадеживающие декларации советских властей, которые вошли в историю как горбачевская «перестройка», были восприняты наиболее активной частью общества в качестве прямого руководства к действию. Экология культуры¹², и в частности охрана памятников, оставалась наименее политизированной, наиболее «нейтральной» сферой, поэтому именно с нее и начался процесс демократизации общественной жизни в городе. Группа молодых людей, объединенных культурными интересами и ценностями, быстро самоорганизовалась вокруг студентов истфака ЛГУ А. Ковалева и С. Васильева. От секретаря ленинградского отделения ВООПИК Т. Лихановой (студентки журфака ЛГУ) они получили информацию о предстоящем сносе дома Дельвига и сов-

¹² «Экология культуры» — термин, введенный Д. Лихачевым в одноименной статье. См.: *Лихачев Д.С.* Экология культуры // Москва. 1979. №7. С. 173-179.

местно с труппой Интерьерного театра подготовили и 19 октября 1986 года провели первый в послевоенной истории города театрализованный митинг, который «имел колоссальный успех — в первую очередь из-за уникальности формата акции в контексте того времени, и собрал несколько сотен человек» \

После успеха на Владимирской площади ГС активно включилась в мобилизационную волну перестройки, создав образцы общественного участия (пикеты, митинги, хеппенинги и т.д.), которые затем вошли в репертуар других движений. ГС была зарегистрирована как организация при Центре творческих инициатив (С. Пилатов), созданном горкомом ВЛКСМ для патронажа всевозможных молодежных инициатив. Однако бурная деятельность активистов ГС довольно быстро вошла в острое противоречие с политикой городских властей. Уличный пикет, собиравший подписи против готовящегося сноса гостиницы «Англетер», перерос в открытое противостояние. С 15 по 18 марта 1987 года сотни горожан, присоединившихся к пикету, днем и ночью дежурили на Исаакиевской площади, дабы не допустить разрушения гостиницы, где погиб Есенин. 18 марта лидеров ГС пригласили в Ленгорисполком для беседы с руководством города, но пока шли переговоры, здание взорвали, а митинг его защитников разогнали силами милиции и внутренних войск. Это событие имело большой общественный и политический резонанс. Были публикации в союзных СМИ, отставки руководящих работников, но самым интересным следствием стал чрезвычайный рост общественной активности горожан. После сноса гостиницы пикет постоянно собирався на площади в течение еще полутора месяцев, «Стояние у Англетера» стало для тысяч советских людей школой гражданского активизма, пикет превратился в популярное место для общественных дискуссий, где прямо на глазах у со-

¹³ Ярэма А. От «Англетера» до «Охта-центра»: политика и культура в Петербурге. По материалам семинара Санкт-Петербургского ЦЭП // http://www.irena.org.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1728&Itemid=472 - 07.11.2009.

трудников спецслужб возникали общественные организации и инициативные группы¹⁴.

В декабре 1988 года появляется манифест «Культура вместо политики», написанный активистами ГС С. Васильевым и В. Лурье. Подобно своим предшественникам 1920-х, они особенно подчеркивали аполитичность движения: «Нас объединяет... стойкое недоверие ко всяким общественным теориям, основанным на политике, праве, экономике... Культурная традиция важнее политики»¹⁵.

Тем не менее представители движения баллотировались в Ленсовет на первых альтернативных выборах 1990 года и даже были избраны его депутатами (А. Ковалев, Н. Журавский). Близкий к ГС и Интерьерному театру профессор Г. Лебедев стал председателем Комиссии по культуре администрации Собчака. Будучи депутатами, участники ГС способствовали созданию законодательной базы для эффективной охраны памятников. Они лоббировали введение в Ленинграде обширных «охраняемых зон» и проведение референдума по возвращению городу исторического имени. В декабре 1991 года депутаты Ленсовета голосуют единым списком за признание 3200 объектов городской среды охраняемыми памятниками, благодаря чему создается самая крупная зона охраняемой застройки в мире.

После любой, даже успешной, волны общественной мобилизации наблюдается постмобилизационный спад социальной активности. 1991 год закончился распадом СССР, 1992-й начался гайдаровской «шоковой терапией» в экономике. Параллельно с ростом цен девальвировались демократические ценности. Люди погрузились в решение практических задач по

¹⁴ Перечислю только те, которые были вовлечены в градозащитную тематику: группа ЭРА (Экология рядовой архитектуры — А. Козев), Культурно-демократическое движение (Е. Зелинская), переросшее в Совет по экологии культуры (М. Талалай), группа «За возвращение исторических названий» (О. Гречневский), Клуб общественных наук «Синтез».

¹⁵ Текст манифеста «Культура вместо политики» из архива ГС, любезно предоставлен С. Васильевым.

самообеспечению в новых условиях рынка, а интерес к общественным проблемам заслонили задачи индивидуального выживания.

Период постмобилизационного спада для петербургского движения наследия длился около пятнадцати лет (с 1992 по 2006). Но все эти годы отдельные члены ГС не прекращали работу, связанную с сохранением памятников истории и культуры Петербурга. Постепенно они создали экспертно-медиаобобщающее сообщество, которое способно получать необходимую информацию о градостроительной политике городской администрации и оперативно реагировать на возникающие угрозы наследию.

Пятнадцатилетний спад общественного интереса к проблемам сохранения петербургских памятников истории и культуры сопровождался последовательной и кропотливой работой множества защитников наследия, которые профессионализировали свою деятельность, заняв экспертные позиции в разных общественных институтах. Отчасти результатом их деятельности можно считать введение с 1997 года в школах обязательного курса «История и культура Петербурга»¹⁶. Теперь новые поколения горожан начинают впитывать «петербургский миф» со школьной скамьи.

Третья мобилизационная волна (2006— ????)

Новая волна общественной мобилизации вокруг угроз петербургскому наследию началась в городе осенью 2006 года,

¹⁶ За короткое время почти одновременно в городе были разработаны и лицензированы несколько конкурирующих образовательных программ, которые даже при поверхностном описании демонстрируют тематическое и методическое разнообразие. Подробнее см.: *Векслер А.Ф.* Краеведение в школьной программе: учебная краеведческая литература // Письма краеведов. Сайт Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева, <http://www.lfond.spb.ru/programs/history/letters/docs/Veksler.doc> — 2004.

Главной предпосылкой для ее возникновения и быстрого роста следует считать качественный сдвиг в градостроительной политике петербургских властей, последовавший после избрания В. Матвиенко на пост губернатора (октябрь 2003).

На протяжении 2006—2008 годов новая городская администрация успешно стимулировала приток крупных инвестиций в Петербург. Многие инвесторы имели амбициозные градостроительные идеи, угрожающие сохранности исторического центра. Согласно оценке одного из ветеранов движения защитников наследия, «в период правления В. Яковлева и в первые три года работы губернатора В. Матвиенко город терял в среднем по несколько ценных исторических зданий в год. Но начиная с 2006 года произошел резкий обвал ситуации в сфере охраны культурного наследия — уничтожение уникальной застройки Старого Города приобрело лавинообразный характер, начались массовые сносы во всех частях Петербурга»¹⁷.

Ответом на рост угрозы «второй капиталистической перестройки» Петербурга стало появление в городе новых инициативных групп защитников наследия. Третья мобилизационная волна началась осенью 2006 года, вскоре после разрушения домов на углу Невского и Восстания, почти совпавшего с открытием выставки проектов небоскреба «Газпром-сити», который планировалось построить у моста Петра Великого на Охте. Новое движение появляется сначала в интернет-пространстве, где в Живом Журнале создается блог <http://www.save-spb.ru/>.

Вскоре участники виртуального сообщества защитников наследия образуют движение «Живой город» (ЖГ), которое совместно с активистами ГС проводит громкую публичную акцию на выставке проектов «Газпром-сити» в Академии художеств. 21 ноября 2006 года активисты ЖГ в костюмах Интерьерного театра, изображающих Смольный собор, и в проходах продефилировали через фойе выставки с плакатами

¹⁷ *Ярэма А.* От «Англетера» до «Охта-центра»: политика и культура в Петербурге.

«Газам — нет!». В это время еще двое активистов, одетых Ккатиной П и князем Потемкиным, вручили гневную петицию организаторам выставки. Все было отснято несколькими телеканалами, отражено в печатных СМИ и, естественно, выдано в Интернете.

Начиная с ноября 2006 года ЖГ провел более шестидесяти разнообразных публичных акций (в среднем по двадцать и год), привлекающих внимание общественности к проблемам сохранения наследия. Для защиты памятников истории и культуры «живогородцы» прибегали к таким формам публичной активности, как пикеты, флеш-мобы, перформансы, митинги, субботники, уличные концерты и марши. В репертуар колясочных действий входит также подготовка писем и обращений в государственные учреждения, надзирающие за сохранностью памятников и соблюдением законности (КГИОП, КГЛ, прокуратура и др.), а также сбор подписей для обращений к руководящим представителям исполнительной власти.

Приведу несколько примеров. Одной из первых публичных акций был флеш-моб на углу Невского и улицы Восстания, 2 декабря 2006 года, заранее обговорив время и форму акции в ЖЖ-сообществе, активисты ЖГ собрались у строительного забора будущего ТЦ «Stockmann», на который были наклеены фотографии дома до сноса с надписью «Выстоял в блокаду, и возложили цветы. В июне 2007-го на Малой Конюшенной «живогородцы» в течение недели собирали подписи против строительства «Охта-центра» (собрано более 10 тысяч подписей). Осенью 2009-го ЖГ совместно с другими общественными и политическими движениями (их было более двадцати) образовали «Гражданскую коалицию в защиту Петербурга», на митинг которой 10 октября 2009 года пришли свыше 3 тысяч человек, солидарно потребовавших отставки городского правительства.

Медийное и общественное давление защитников петербургского наследия оказалось так велико, что губернатор города признала допущенные отдельные «градостроительные

ошибки», каковыми были названы здание Биржи на Васильевском, гостиница «Ренессанс», высотные жилые комплексы в историческом центре — на Шпалерной улице и в центре Петроградской стороны. Более того, в результате усилий градозащитных движений (ЭКОМ, ЖГ, ВООПИК, ЭРА, «Охтинская дуга» и др.) в 2009 году в Петербурге было принято два важных закона: «Правила землепользования и застройки...», включающие параметры предельно допустимой высоты зданий, и закон «О границах и режимах зон охраны объектов культурного наследия...». Этот закон категорически запрещает снос исторических зданий в охранной зоне и в зонах регулирования застройки, в нем закреплена необходимость восстановления фасадов всех разобранных строений, установлены жесткие ограничения на параметры вновь возводимого здания в пределах габаритов утраченного.

Таким образом, в 2009 году борьба активистов петербургских движений защитников наследия привела к изменениям городского законодательства, которые закрепили охранный статус исторического центра и существенно ограничили градостроительный произвол. Однако в городе по-прежнему остаются «болевы точки»¹⁸, вокруг которых продолжается ожесточенная борьба между активистами и экспертами движения защитников наследия, с одной стороны, и городской администрацией, выступающей в союзе с крупными инвесторами, — с другой.

Важной тенденцией в развитии этого противостояния являлась нарастающая организационная, правовая и медиапрофессионализация участников движения. За последние несколько лет они смогли добиться того, что тема защиты наследия заняла лидирующие позиции в городском медиапространстве. Градостроительная политика неожиданно оказалась в Петербур-

¹⁸ Можно перечислить несколько наиболее скандальных проектов: строительство Охта-центра и второй сцены Мариинского театра, реконструкция Новой Голландии и Летнего сада, предполагаемый снос дачи Гаусвальда, дома Рогова и др.

ге самой актуальной политикой. При этом «живогородцы», подобно активистам первой и второй мобилизационных волн, подчеркивают внеполитический характер своей деятельности. Аполитичность ЖГ артикулируется в интервью активисток, содержится в программных документах движения. Например, в обращении группы активистов, которое было размещено в 2007 году на главной странице сайта ЖГ, можно найти следующие заявления: 1) «Мы — группа людей, объединенных искренней позицией, что памятники истории и культуры являются общечеловеческой ценностью»; 2) «Наша деятельность есть внеполитическая деятельность»; 3) «Мы не партия и не элемент какой-либо партийной структуры. Мы — общественное движение, ставящее целью сохранение и защиту определенных национальных и общечеловеческих ценностей»¹⁹.

Столетняя история петербургского движения защитников наследия демонстрирует удивительную преемственность и расстановку приоритетов (когда «культура *прежде* (1 волна), *вместо* (2 волна) и *вне* (3 волна) политики») на всех этапах. Движение опирается на представление об «абсолютной ценности» памятников истории и культуры. Его питает разросшийся до исключительных масштабов «петербургский миф»²⁰, а укрепляет — связь разделяемых активистами ценностей с материальными объектами, эти ценности воплощающими.

Сравниться с движением защитников наследия по динамике и устойчивости развития, может, пожалуй, лишь экологиче-

¹⁹ Никонов П., Никонова Л., Истомин С. Друзья, у нас проблемы! // Сайт движения «Живой город», 2007: <http://www.save-spb.ru/page/about.html>

²⁰ Подробнее о «петербургском мифе» см.: Анциферов Н.Л. «Непоптимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991; Кобак А.В., Лурье Л.Я. Рождение и гибель петербургской идеи // Музей и город. СПб., 1995; Johnson !., /), How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie, Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 2006, а также сборники статей: Метафизика Петербурга / Отв. ред. Л.М. Морев. СПб., 1993, Феномен Петербурга. СПб.: Блиц, 2000, и др.

ское движение²¹. Другие векторы развития общественной инициативы, возникшие в ходе второй мобилизационной волны (движение творческих объединений, демдвижение, правозащитное движение, движение за потребительскую революцию и националистическое), либо удовлетворили свои требования, либо потеряли свой мобилизационный потенциал²².

Три источника устойчивости движения защитников наследия

Относительно устойчивости и воспроизводства петербургских общественных инициатив, связанных с проблемами сохранения городских памятников, можно сделать несколько предположений. Мне кажется, прежде всего необходимо обратить внимание на три фактора. Во-первых, ценности движения были связаны с очевидными материальными объектами, а не абстрактными идеологическими формулами (как у националистов, клерикалов, демократов, правозащитников и т.п.). Во-вторых, защитники культурного наследия всегда подчеркивали аполитичность своего движения, защищаясь тем самым от обвинений в ангажированности и конкурентных подозрений со стороны действующих властей. В-третьих, это движение имеет продолжительную местную традицию, благодаря чему каждое новое поколение «экологов культуры» опирается на опыт предыдущих.

²¹ Подробнее о развитии экологического движения см., например: Гуцин В.А., Лустберг А.Э. Молодежное экологическое движение Ленинграда-Санкт-Петербурга. Исторические этапы, культура и субкультура // Подростковые и молодежные инициативы. СПб., 1997; Яницкий О.И. Актеры и ресурсы социально-экологической модернизации // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 3—12.

²² Здравомыслова Е. Социология общественных движений — становление нового исследовательского направления. Гл. 27 // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 552.

Гибридизация сети

Согласно подходу, сформулированному в работах Б. Латура, Л. Тевено и Л. Болтански, окружающие людей и участвующие в их интеракциях материальные объекты обладают определенным социальным измерением. Теоретики французской прагматической социологии отмечают, что «вещам (например, домам. — *БГ.*) люди делегируют определенные ценности, обязанности и этику»²³. Способ связи человека с такого рода «артефактами» обладает «степенью моральной ценности»²⁴, а значит, и мобилизационным потенциалом.

Можно предположить, что устойчивость движения защитников памятников истории и культуры обеспечивалась характерной для него «гибридной структурой», соединяющей в единый «ансамбль»²⁵ людей, идеи и материальные объекты (так же, как и у экологов). В отличие от политически откровенно ангажированных движений, вроде демдвижения второй половины 1980-х, чей «ансамбль» ограничивался только людьми и идеями, движение защитников наследия укреплялось материальностью защищаемых ценностей, их очевидностью, не требующей дискурсивных обоснований. Иначе говоря, «демократия» хуже различима обывателем, чем конкретный «памятник истории и культуры». В условиях дефицита доверия к абстрактным понятиям только идеи, связанные с материальной реальностью мира, могут стимулировать общественную мобилизацию, по-

²³ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 9-

²⁴ Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. Т. III. С. 106.

²⁵ Категория «ансамбль» используется Б. Латуром для описания сложных «гибридных объектов», соединяющих людей, идеи и вещи определенным образом. См.: Латур Б. Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2003- № 3, С. 20-39.

этому «политика артефактов»²⁶ становится наиболее доступной и понятной политикой.

Демонстративная аполитичность движения

Вторая причина относительной устойчивости движения городской общественности за сохранение наследия связана с принципом «культура вместо политики», который сопутствовал движению на всем его историческом пути. В глазах наших сограждан политика уже долгие годы ассоциируется с «репрессиями», «грязью» и «манипуляциями»²⁷. Устойчивость и распространенность таких представлений объясняется множеством факторов, среди которых необходимо упомянуть ограниченность исторического опыта демократического развития и память о тоталитаризме; дефицит культурных образцов публичной дискуссии, неразвитость языка и навыков публичных дебатов; дефицит доверия в российском обществе²⁸. Демонстративная аполитичность защитников наследия, с одной стороны, привлекает в их ряды разуверившихся в политике граждан, а с другой — снижает для движения риски репрессивного давления со стороны политических властей.

²⁶ См.: *Winner L* Do Artefacts Have Politics? // *Daedalus*. 1980. № 109. P. 121-136.

²⁷ См.: *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 3. Лето; *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 3- Лето; *Дубин Б.* Социальная атомизация как наследие и данность // *Индекс. Досье на цензуру*. 2009. № 29. С. 6— 12.

²⁸ См.: *Хоскинг Д.* Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 4 (54). С. 59—69; *Ловелл Д.* Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 3. Лето. С. 147-162.

100-летняя традиция борьбы за сохранение наследия

Эмпирические данные, собранные в ходе исследования, позволяют с уверенностью говорить о том, что городское движение защитников наследия представляет собой многолетнюю традицию, где опыт, система ценностей, методы и формы гражданского активизма передаются от поколения к поколению²⁹. Идеи И. Гревса, А. Бенуа, Н. Анциферова — идеологов первой мобилизационной волны, развитые затем в работах Д. Лихачева, В. Топорова, Г. Лебедева, — стали основанием для солидаризации активистов второй «перестроечной» волны движения. Практический опыт и методы общественной борьбы, накопленные ГС и Интерьерным театром во второй половине 1980-х, были переданы активистам третьей мобилизационной волны, образовавшим в 2006 году движение «Живой город»³⁰.

Условия возникновения общественной мобилизации

Каждая мобилизационная волна возникала при совпадении двух факторов: резкого роста внешних угроз для разделяемых участниками ценностей (сохранности памятников истории и культуры) и параллельного ослабления институтов государственной власти и управленческих механизмов.

Мобилизационная волна 1900—1932 годов сначала была вызвана накапливающимися последствиями «первой капита-

²⁹ *Келли К.* «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятником в Ленинграде 1960—1970-х годов // Неприкосновенный запас. 2009. №2(64). С. 123.

зо участники ГС стали первыми консультантами молодых людей, образовавших ЖГ. Лучше всего связь между ГС и ЖГ иллюстрирует одна из основательниц ЖГ Лиза Никонова, которая приходится дочерью участнику ГС Павлу Никонову.

диетической перестройки Петербурга», а после 1917-го — потребностями сохранения национализированных революцией дворцов, коллекций, парковых ансамблей и проч.³¹ О ситуации с государственным управлением в этот исторический период говорить не приходится: ясно, что город, как и вся страна, пережил тогда сильнейшую революционную встряску.

Вторая мобилизационная волна (1986—1991), согласно мнению некоторых экспертов, была спровоцирована масштабной программой городских властей по капитальному ремонту в центральных районах Ленинграда, угрожающей разрушением множеству памятников истории и культуры. Эта волна набирала силу на фоне первых робких реформ системы государственного управления, которые оформились затем в политику Перестройки, потребность в которой также можно считать симптомом ослабления государственной власти.

Третья мобилизационная волна, начавшаяся в 2006 году, связана с угрозами, возникшими в результате масштабных градостроительных инноваций, которые условно можно назвать «второй капиталистической перестройкой Петербурга». Крупные инвестиционные проекты, провоцирующие многочисленные «реконструкции» в историческом центре, развиваются на фоне нарастающего кризиса системы городского управления и сопровождаются ростом общественного недовольства.

Не хочется делать далеко идущие предположения относительно того, чем может завершиться третья волна общественной мобилизации, особенно учитывая, чем закончились первые две. Но зафиксированное в ходе исследования нарастание общественного протеста и активности движений защитников наследия в Петербурге может быть расценено как значимый косвенный признак, указывающий на возможность грядущих социальных потрясений.

³¹ Подробнее см.: *Хеллберг-Хирн Е.* Печать империи: Постсоветский Петербург. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 93—98, а также: *Пирют-ко ЮМ.* Питерский лексикон. С. 360—366.